

Можно, конечно, опустить все колоритно-русские бытовые детали или же заменить их подобными, но взятыми из привычной для читателя повседневности. Но тогда русские “хлеб-соль” обернутся фруктами и специально приготовленными кушаньями, с которыми принято во вьетнамских селениях встречать гостей... Останется лишь событийная канва, к тому же поневоле искаженная (как обойтись, например, без “заячьего тулупчика”?), произойдет плоская адаптация художественного произведения. По такому пути пошел первый японский переводчик “Капитанской дочки”.

Следует подчеркнуть, что многое непривычное для вьетнамского читателя все же вполне понятно для него. Вслушаемся, к примеру, в описание метели:

«Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. “Ну, барин, – закричал ящик, – беда: буран!”...»

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным...».

Картина страшного стихийного бедствия вьетнамскому читателю эмоционально понятна, оно подобно тайфуну. Непривычны здесь только два понятия – “снег” и “метель”, – вот их нет необходимости транскрибировать вьетнамскими литерами подобно “самовару” или “дивану”: в китайской литературе, с которой была тесно связана вьетнамская письменная культура, эти понятия существуют.

Конкретность перевода важна не только в познавательном плане, она прежде всего имеет художественное качество: создает эффект отстранения, помогающий иноязычному читателю острее почувствовать неожиданно близкие черты сущностных основ жизни, опознать знакомое в необычно экзотическом. Как бы ни была непривычной для вьетнамского читателя одежда, которую носят пушкинские герои, жители Севера, они по судьбам своим понятны и близки. Как гласит вьетнамская пословица: “Люди выглядят по-разному благодаря одежде: раздеть всех донага – все будут одинаковыми”. И очевидно, не столь уж важны при этом цвет кожи и разрез глаз.

Прежде чем специально рассмотреть проблемы адекватного художественного перевода в воспроизведении исторических событий, колоритного национального быта, а также стилистики оригинала, предварительно взглянем, что могло затруднить переводчика во взятых почти наугад фрагментах романа, приведенных выше.

Као Суан Хао, как об этом упоминалось, обращался в своем переводе “Капитанской дочки” к посредствующему французскому тексту. По времени это был, всего вероятнее, перевод Р. Лебри, вышедший в Париже в 1953 г. Что же затруднило французского переводчика?

В “иносказательном разговоре” во французском переводе “попадья” (очень колоритное русское слово!) стала “женой попа”, “кузов” – “корзиной, куда их (грибы) сложить”, пословица “поп в гости, черти на погосте” – передана по смыслу верно, но с потерей стиля народного речения, “дождь” и “грибы” потеряли уменьшительно-ласкательные оттенки.

Во втором фрагменте переводчик дал транслитерацию “les moujiks”, но не справился с “ухватом” и “шестком”, которые пояснил в специальных подстрочных примечаниях, весьма неточных: в первом случае получился “крюк для сажания посуды в печь”, во втором – “широкая печная доска”, с соответствующими разъяснениями: “1. Речь идет о длинном железном стержне, который используется во всех избах и служит для того, чтобы брать, перемещать и доставать горшки, поставленные в печь”; “2. Шесток – ровная поверхность перед печной отдушиной, где горшки, которые будут поставлены в печь или вынуты из печи, держатся в тепле”. Ср. с этим определением В. Дала: “Ухват – род железных вил (а не стержня с крючком – Х.В.К.), которыми ставят в печь или достают горшки, чугуны; юж. рогац”; “Шесток – припечник, очаг под кожухом, площадка перед русской печью, меж устья и топки”.

Здесь наглядно проявляется одна из первых трудностей художественного перевода прозы. В иностранном языке для него часто не хватает слов, ибо, как замечал Пушкин, “есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу” [3, с. 39–40].

Трудность эта тем больше, чем дальше отстоят друг от друга народы, чем своеобразней складывались их судьбы, определив и быт, и менталитет, и культуру.

“Капитанская дочка” – исторический роман, воссоздающий необычайно яркую страницу русской истории, которую невозможно глубоко понять без представления о социальных причинах самого мощного крестьянского восстания в России. Известно, что в творчестве Пушкина роману предшествовала профессиональная работа историка, вылившаяся в двухтомный труд “История Пугачева” (1834), вторая часть которого была собранием документов, обосновавших общую концепцию монографии.

Тем более, казалось бы, необходимы некоторые предварительные исторические пояснения об эпохе, об условиях и ходе крестьянской войны